

Трамвай-купидон

Парень достал из кармана сложенный листочек «в клеточку» — она уже знала, что в нем написано

Светлана ХОДЬКО

18-летняя студентка архитектурно-строительного факультета МГУ. Изучает испанский язык и английскую литературу. Лауреат литературного конкурса «Дебют 2006». Светлана мечтала стать журналисткой, наверное, поэтому она увлечена творчеством и совмещает физику с лирикой — учится в техническом университете и посещает занятия литературного объединения гуманитарного университета — МГУ.

— А КОГДА? — раздался в трубке голос. — Ты никогда не говоришь точно.

— Не знаю, как получится. Завтра и послезавтра у меня тренировки, я, может, зайду после.

— Бесполезно с тобой разговаривать, я на курсы опаздываю. Пока.

В одной квартире все смолкло, а в другой долго продолжали раздаваться короткие гудки, навешивающие какую-то справедливую тоску и натапливающие на раздумья. Ему почему-то захотелось ей написать. Получилось довольно искренне.

Усвоив десяток формул и законов физики, решив за две пары четыре задачи, смертельно уставшая, она возвращалась с подготовительных курсов. Аня старалась не думать ни о чем, но в голову лезли мысли об их нелепом разговоре, о том, что они уже неделю не видели, а только слышали друг друга.

Она встала прямо между рельсами и с надеждой выглядывалась вдаль, желая увидеть желтоглазое красно-железное лицо трамвая. Город начинал замерзать. Январский вечер не жалел никого: откуда-то взялся колючий северный ветер, с его помощью мороз становился сильнее, небо было такое чистое, что вместо облаков окрашивались оранжево-красным светом заката лишь самолетные линии.

Приближаясь, зашел трамвай, остановка словно ожила, все в одно мгновение затормозило в теплый вагон. Вместе с толпой зашла и она. Аня была похожа на принцессу Снежного королевства: белая шапка с синими снежинками по краю, легкая пубка до колен, лохматые варежки, кроличьи унты — холодный образ настоящей правительницы-зимы. Сама того не замечая, голубыми ясными глазами искала его, надеясь на случайную встречу. И не зря. Взгляд ее остановился на парне в дальнем конце вагона, который устал и безразлично смотрел в окно.

— Привет, — неожиданно услышал он, — я и не надеялась тебя здесь увидеть. Какими судьбами?

— Да тренировка рано закончилась, — смотря не в глаза, а куда-то вправо, ответил он. — Да ты не стой, присаживайся, рассказывай, чего нового узнала.

Болтали о ничем не значащей ерунде, а вот от остановки до ее дома шли уже молча. Каждый думал о своем.

— А ты... — начали они одновременно, стоя на крыльце ее подъезда.

Их глаза встретились на секунду, тот взгляд, который она успела поймать, уже говорил о многом.

— Ладно, говори первый, что хотел.

— У меня для тебя кое-что есть, — он достал из кармана сложенный листочек в клеточку.

Ей казалось, она уже знает, что в нем написано. Текст записки был банален. Он решил, что одному пока лучше, но не был уверен, что сможет забыть ее...

Холодное октябрьское утро было затянато плотным, почти непроницаемым туманом. Свет от машин и фонарей, казалось, долетал через сотни километров. На расстоянии трех шагов уже ничего и никого не было видно.

Трамвайная остановка была полностью забита людьми. Они старались встать друг к другу ближе — им чудилось, что так теплее. Хрупкая девушка в длинном пальто цвета серой дымки, укутавшись в трехметровый шарф, всем существом своим противостояла туману. Ее абсолютно не интересовало то, что творилось вокруг: люди, транспорт, движение — она чувствовала лишь легкое покалывание холода, а мысли ее были далеко-далеко, в таинственной стране воспоминаний.

«...Помню, как будто это было вчера. Мы стояли под небом, взрывающимся салютами, начинало холодать, он обнял меня, чтобы я не замерзла...»

Не спеша возвращаться в реальность, она огляделась — все осталось прежним: люди, транспорт, движение, разве что вид влюбленной парочки вызвал у нее легкую улыбку.

Слеза с железным скрипом из тумана выбиралось красно-полосатое чудовище. Пошипело, просверкало синими разрядами и успокоилось, распахнуло всем прямоугольные входы и выходы. Поток людей двинулся в светлые проемы, разрезающие густой туман. Они были похожи на гигантские челюсти с сиденьями вместо зубов. Как только людской поток иссяк, двери с грохотом захлопнулись, и металлический зверь двинулся дальше.

Внутри было уютно, холодно. Целый мир замкнулся на боковых панелях громыхающей посуды. Взявшись маленькой рукой за холодный поручень, она почувствовала, как по спине побежали мурашки.

«Странно. То же самое я чувствовала, когда под золотым дождем он впервые поцеловал меня. Боже, как давно это было...»

Рассеянным взглядом окинула весь вагон, и мир грез рассеялся в одно мгновение. В противоположном конце трамвая стояла знакомая фигура. Это был он, сомнений быть не могло. Он! Ее сердце бешено забило. В душе бушевали эмоции.

«А если он меня не увидит?! А если увидит! Что делать? Что я ему скажу? Было бы неплохо, если бы о чем-нибудь спросил. Нет, лучше бы вообще вышел на этой остановке. Ну что стоит как памятник!»

Она не могла отвести от него глаз,

настороженным взглядом скользила по силуету в надежде, что парень не повернется. Эта напряженная прямая спина, самые нежные руки, мягкие волосы — все это, как и раньше, вызвало непонятную теплоту в душе и желание обнять его крепко-крепко и никуда никогда не отпускать.

«Ну, нет. Держи себя в руках. Теперь у тебя нет на это права».

Она смотрела на него как на что-то недостижимое, любовалась им, воображала, что вновь прикасается к нему. Как это было давно.

Все воспоминания оборвались на звенящем кристаллами мороза голосе: «За проезд предъявляем. Оплачиваем или выходим. Девушка, у вас что?» Она машинально показала проездной и спрятала его обратно в карман пальто. Громкогласный голос взбудоражил не только девушку: народ пришел в движение, закопошился, начал искать документы и монетки, лишь бы успокоить грозную хозяйку этого с грохотом летящего транспорта.

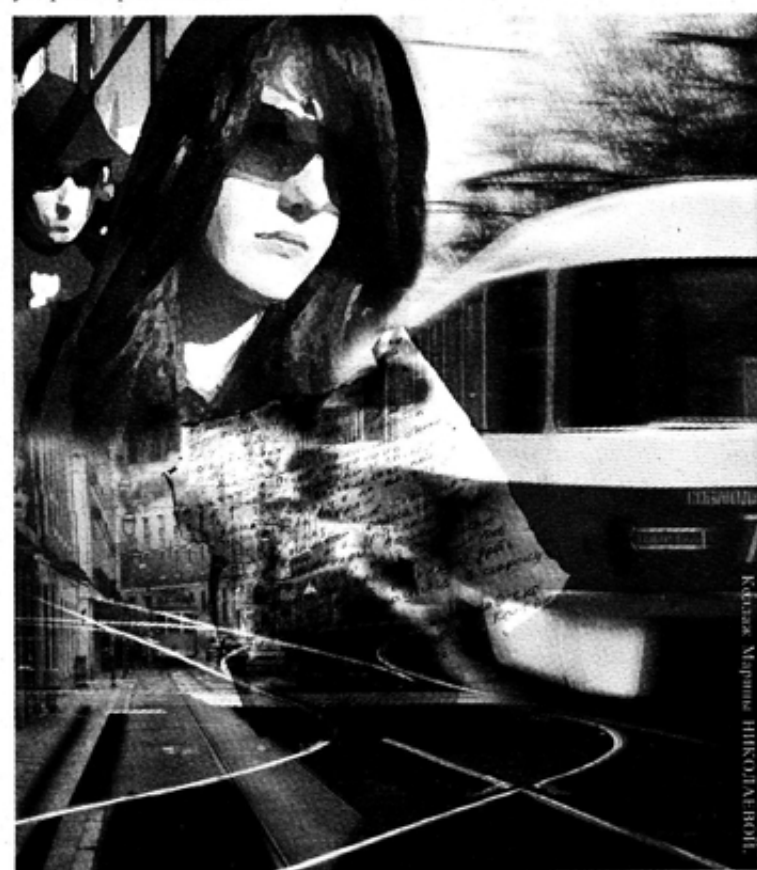
Девушка принялась бесцельно пересчитывать клепки на внутренней обшивке трамвая. Тридцать восьмая оказалась над головой парня в красной куртке. Ее взгляд стал медленно скользить по каштановым прядям его волос и неожиданно встретился с его удивленным взглядом. Странно, но удивление было не единственным чувством — в его глазах были смущение и интерес.

«Как, наверное, глупо я сейчас выгляжу. Стою как дура, хлопаю накрашенными ресницами. Зачем он на меня так смотрит?!»

Не подозревая о ее волнении, он сам пытался уловить хоть одну мысль из метавшихся в его голове.

«Это она. Конечно она. Ошибки быть не может. Как она изменилась. Я запомнил ее совершенно не такой. Как же давно мы не виделись...»

Сам не зная, почему, он вдруг захотел подойти к ней, заговорить о чем-нибудь, неважно о чем, главное, услышать ее голос. Трамвай бросало в разные стороны; держась за поручни, он пробрался сквозь толпу и взялся за ту же перекладину, за которую держалась она. Девушка, не шелохнувшись, в упор смотрела на него.

«Что он делает? Зачем? Господи, вот бы сквозь землю провалиться. Чего хотела, на то и нателел».

— Привет, — услышала она тихий знакомый голос.

— Привет, — не поднимая головы, ответила Аня.

— Куда едешь? Почему одна? — выпалил он, удивляясь, насколько глупые вопросы приходят на ум в самые напряженные минуты.

Ее взгляд, медленно отрываясь от полоски на кармане его куртки, поднялся вверх по шарфу, скользнул по воротнику, ласково погладил подбородок и остановился на его серых, самых любимых глазах.

— В институт пытаюсь доехать на этой колымаге уже битый час, — с ложной непринужденностью ответила она.

«Ну зачем он подошел, неужели не видит...»

— Хочешь, я тебя провожу? — оборвал он ее мысли. — Я все время везде опаздываю, а сегодня, мне кажется, я вовремя.

— О таких вещах девушку не спрашивают, их делают с улыбкой бесконечной радости на лице. О, моя останься.

Он ничего не сказал, но вышел вместе с ней.

Удивительно, никто из них и не заметил, что туман рассеялся и фонари выключили. Утро было настолько прекрасным, что хотелось медленно идти, наслаждаться им и молчать. Легкий ветерок острожно играл с ее светлыми распушенными прядями. Аня как будто летела сквозь розовеющее утро.

— Спасибо, что составила мне компанию, пока я нулевую пару прогуливаю.

— Да, пожалуйста. — Усмехнулась она. — Счастлива.

— Пока, — ответил он, пристально глядя ей в след.

Она не обернулась. Высокие двери гулко захлопнулись за маленькой девушкой. Снова поднялся легкий ветерок и унес оранжевым вальсом кленовые листочки, на которых недавно стояли двое: с разными судьбами, разными целями, но с одинаковым чувством, что они нужны друг другу больше, чем солнечный свет.

Аля СВЕТЛОВА.

Городские голоса

Город просыпается
желтоглазым утром,
Город улыбается глянцевою рекой.
И разноголосые,
прямо друг за другом,
Стрывают улицы
свой ночной покой.
Все дороги серые —
все весной окутаны,
А над майским городом —
неба синева.
Голоса трамвайные —
голоса запутаны.
Но природа в городе все равно
права.

В кресле у камина дремлет кот,
Призрак прошлой жизни, здесь,
сегодня.

Только я хочу наоборот,
А не тишину в дыму субботнем.

Сigaretный дым — субботний яд.
Кот привык. И я привыкну скоро.
Иногда соседи говорят —
В жизни не хватает мне опоры.

Что стою некрепко на ногах,
И, увы, неадекватен миру.
Что в глубоких серых облаках
Я создал подобие кумира.

В кресле у камина дремлет кот,
Он молчит, но знаю — понимает.
Может быть, живу наоборот?
Может... это то, что убивает?

Убивает — сигаретный дым.
И чужие пересуды в спину.
Я почти что равнодушен к ним,
Я почти что этот мир покинул.

Лишь случайно, на короткий миг,
Призрак прошлой жизни, здесь,
сегодня.

В кресле, воздухе и стопке
старых книг,
На бумаге и в дыму субботнем.

Моя Япония

Там, где начинаются восходы,
Огненными крыльями мая.
Где творит погоду дух погоды,
Тихо колокольчиком звеня.

Там, где поклоняются цветенью
Тонкой вишни розовой крови,
Где душа подвержена волнению,
Непокорна — даже не зови!

Там сошелся блеск клинков катаны,
Помыслов хранящий чистоту.
Сердце рвет преграды и обманы,
Уходя к рассвету в теплоту.

Я, возможно, там почти чужая —
Та страна — мираж моей мечты.
Только для души она — родная.
Это знаю я и знаешь ты.

Осень мне дарила листьев шорох,
Осень мне дарила теплоту.
И последний ярко-алый восход,
Соскользнувший ночью в пустоту.

Лирика пустой души наивна,
Лирика пустой души — смешна...
Осень, ты одна мне не противна!
Осень, ты одна сейчас нужна!

Мне нельзя забыть, нельзя поверить,
Мне нельзя того, что можно всем.
Осень, эту боль нельзя измерить,
Убегая от всех проблем.

Осенью как будто отдыхаю,
Осенью ступает тишина,
Я на время словно забываю —
Лирика пустой души смешна.